

ЮНОСТЬ



Пролог

Шествуя по министерству, Сипягин раскланивался с подчиненными с важной приветливостью, одаривая редких счастливых едва заметными улыбками, отчего за его спиной тут же начинались завистливые шепотки, а везучики купались в ядовитом внимании коллег. Закрыв за собой массивную дверь кабинета, Дмитрий Сергеевич выдохнул, на секунду привалившись к резному дубу спиной и полуприкрыв глаза.

— Министр внутренних дел, — прошептал чиновник одними губами, наполняясь государственным пиететом перед собственной высокой должностью. Больше года проработав управляющим министерства, а до того — пять лет товарищем министра внутренних дел, он всегда чувствовал легкую... Нет, не ущербность, но все же, все же... иначе ощущается, совсем иначе.

— Выше только Бог и государь, — сказал он значимо, отшагнув от двери к массивному письменному столу красного дерева, раскинувшегося на несколько квадратных саженей, и вслушиваясь в слова. — Нет, — поправил он себя сурово, поджав губы, — государь и Бог!

Пройдясь по давно знакомому кабинету в новом качестве, Дмитрий Сергеевич встал у окна и некоторое время глядел бездумно на набережную Фонтанки, видя перед собой — всю Россию! Перед внутренним взором министра разворачивались карты Империи.

Денно и ночью дымят заводские трубы, тянутся по рельсам тяжелые составы, а в помещичьих экономиях на Юге России уже готовятся к посевной. Мудро устроенное предками государя сословное общество, в котором каждому отведено от века заповеданное место, и так будет всегда!

— Всегда! — прошептал он горячно, сжав массивный кулак и отходя наконец от окна, разукрашенного причудливыми морозными узорами.

Устроившись удобно в кресле, чиновник провел пальцами по лакированной поверхности стола и наконец подтянул к себе подготовленные помощником папки с разными пометками. Разобравшись с самыми срочными и важными делами и отдав несколько распоряжений, Дмитрий Сергеевич решил сделать перерыв, нажав кнопку звонка.

— Чаю, голубчик, — велел он явившемуся на зов плешивому служителю, — да покрепче. Ну да ты и сам знаешь...

Глубокий поклон, и служитель исчез, как и не было. Хмыкнув, чиновник крутанул шей — каждый раз ведь удивляется! Как джинн из восточной сказки, только что клубов дыма не хватает. И понятно ведь, что у потомственного лакея не может не быть профессиональных секретов, да и натаскивают их с самого раннего возраста, но все едино — шустер!

Пару минут спустя на столе министра на изящной подставочке встал серебряный поднос с дымящимся самоварчиком, заварочным чайничком с толстой тряпичной бабой для тепла поверх да усыпанные маком баранки в вазочке. Взмах рукой... и на подносе появилась сахарница с щипчиками, чашка с блюдцем да розеточка с вареньем из айвы, о котором обмолвился давеча при случайном разговоре с бывлым сослуживцем, зашедшим в министерство по делам. Поклон... и лакея как не бывало.

С удовольствием отхлебывая ароматный китайский чай, Сипягин взял ложечку айвового варенья, и предвкушающее жмурясь, положил в рот. А потом бараночку! Сломал ее в кулаке, министр закинул куски разом в рот, вкусно захрустев. И чайком...

Имея привычку к печатному слову, министр искал глазами газету, но передумал, взяв верхнюю папку из стопки «К ознакомлению». Встречаются порой презанимательные материалы, куда там газетам! Да и подача в таких вот папочках вполне себе поверхностная, рассчитанная именно что на ознакомление. Нужно будет, велит подчиненным провести подробный анализ.

— Так-с... что тут у нас? — Шелковые шнуры, скрепляющие тисненую кожу, разошлись, и будто огромная тропическая бабочка махнула своими гигантскими крылами. — Буры?

Настроенный вполне благодушно, он начал листать, читая бегло, едва ли не по диагонали, вчитываясь только в особо интересные пассажи, да по давнишней привычке проглядывая сухие цифры в обязательном порядке. Но чем дальше, тем больше испарялось благодушие министра, а на высокий лоб набежали морщинки. Слишком все... Неоднозначно.

Подданные Российской империи воюют в Южной Африке храбро, с выдумкой и огоньком, да и представлены они больше все прочих европейских граждан, едва ли даже и не вместе взятых! Храбро воюют, умело, но... Не те!

Одних только русских почти четыре тысячи да поляков, лифляндцев, жидов... и нет почти представителей благородного сословия! Если не считать Русскую миссию Красного Креста, разумеется.

Казалось бы, имена этих немногих должны звучать особенно громко на фоне серой массы вчерашних крестьян, горняков, мелких торговцев и бог весь знает, какого сброда, но нет!

Мелькнул, да и пропал ротмистр Ганецкий, не успев взойти. Яркий, безусловно талантливый человек, но не сложилось. Бывает.

Максимов талантлив и харизматичен, но полностью почти перекрыт фигурой Вильбуа-Марейля. Начальник штаба Европейского легиона, фи-

гура безусловно значимая, но в основном для специалистов. Широкой публике он интересен мало.

Гурко оскандалился, дав массу поводов для злословия, и притом оправданных. Такая блестящая биография, яркая карьера, и так... глупо!

Багратион-Мухранский в прессу попадал не раз, но поводы сплошь анекдотичны! И не то чтобы они не к чести князя, но и уважения его приключения не вызывают. Если поначалу он вызывал уважение древностью рода, то ныне известен разве только пристрастием к черкеске, охотой на обезьян, да всякого рода казусами и нелепицами.

Прочие же... несколько почти безвестных офицеров, воюющих в Европейском легионе, да двое воюют в бурских командах на правах технических специалистов. К непосредственному командованию их не допускают, что решительно... ну ни в какие ворота!

И...

Министр перелистнул назад, хмуро глядя на колонку имен. Русские... и не слишком русские подданные и бывшие подданные, добившиеся успеха в Южной Африке. Некоторые — громкого, с регулярным упоминанием в европейских газетах, некоторые — значительно более скромного. Но... Не те, неправильные русские.

Свыше двухсот человек стали офицерами, что для пяти тысяч не так уж и много. Но...

Министр хмурился все больше, понимая глубину проблемы, разом вставшей перед ним... Нет! Перед всем государством Российским!

— Никто, — прошелестел он побелевшими губами, вчитываясь в сухие строки, — ни один человек из числа российских подданных, будь то настоящих или бывших, не пошел под командование русских офицеров. Ах да, Ганецкий... Нет, — решительно выдохнул Сипягин, массируя левое подреберье, где внезапно закололо сердце, — Ганецкий не в счет! С десяток человек, да и те в самом начале боевых действий! А потом... — он с ненавистью уставился на бумаги, — Держинские и прочее... было! Единственный дворянин, и тот — марксист, да еще и поляк! Уж и не знаю, что хуже.

Положив папку на стол, Дмитрий Сергеевич откинулся назад, прикрыв глаза. Скверно, очень скверно! Четыре... пять тысяч человек в общей сложности, и никто, решительно никто не идет под командование людей благородных, игнорируя даже профессиональных офицеров.

На войне! Казалось бы, сам Бог... ан нет, не идут. Сами справляются. Это решительно...

— ...Невозможно! — с отвращением сказал Грингмут, отбросив от себя гранки, упавшие было на дымящуюся пепельницу. — Публика интересуется Южной Африкой, но где? Где, я вас спрашиваю... нормальные имена?

— Какие есть, — сухо зато ответил репортер, не принимая манеру начальства и забирая гранки.

— Простите, Всеволод Игнатьевич, — закурив, искренне повiniлся редактор газеты «Московские ведомости», — не сдержался.

— Понимаю, — чуть поклонился репортер, смягчая дворянский горор, — но уж как есть! Упомянуть в публикациях Дзержинского вы запретили, хотя как по мне... Впрочем, вам видней, — примиряюще улыбнулся репортер, видя выразительное лицо Владимира Андреевича, — я все понимаю! Марксист, да еще и беглый... непростой вопрос. Не тот человек, которого следует поднимать на щит. Ну а прочие? Панкратов не без греха, но ведь каков типаж?

— Типаж, — вяло отозвался Грингмут, сделав затяжку, — тип он, а не типаж! Я... — Порывшись в столе и перевероршив забытые бумагами ящики, он достал несколько листов и передал репортеру: — Читайте! Уж простите, но только в кабинете — не то чтобы секрет великий, но и не те вещи, о коих можно болтать без разбору.

— Я...

— Вам доверяю, — склонил голову редактор самой «правой» и официальной газеты в Москве, которую злопыхатели называли «охранительской», а за пределами России напечатанное в «Московских ведомостях» считали неофициальной позицией властей, — но все же некоторую информацию следует выдавать осторожно.

— Это... — вчитавшийся репортер выпрямился ошеломленно, глядя на Владимира Андреевича выпученными рыбьими глазами, — правда?!

— В большинстве своем, — кивнул Грингмут, — хотя большая часть данных подкреплена лишь анализом и косвенными данными.

— Уголовники?!

— Теперь вы понимаете? — подался вперед Грингмут. — Давняя связь с уголовниками, и чуть ли даже не сам Иван!

— А... разоблачить? — неуверенно спросил Всеволод Игнатьевич, поведя полной щекой с пышной бакенбардой.

— Как, голубчик?! Сами по себе карточные игры с иванами ничего не доказывают, зато благотворительность — вот она! Стоит чуть копнуть, и перед нашей нетребовательной публикой предстанет этакий Робин Гуд! И в эту же кучу — песенки, изобретательство... представляете? Снова возопят, что власти травят гения!

— Да уж... — поежился репортер, дочитав, — прямо-таки inferнальная картина получается. Марксисты, жидаы, иваны... экий клубочек вокруг мальчишки закручен! Да и сам он... нда-с...

— Если бы только в мальчишке было дело, — грустно усмехнулся Грингмут, — если бы... Вот!

На стол легла французская газета, открытая на нужной странице.

— Извольте ли видеть — фехт-генерал Бляйшман!

— Жи-ид?! — рванул ворот репортер, дикими глазами вглядываясь в бравого фехт-генерала с развевающимися пейсами, позирующего фотографу с видом брутальным и суровым, как и положено боевому офицеру,

обеспечившему прорыв в Дурбан. Сперва — безукоризненно налаженной интендантской службой, а затем и личным участием!

— Жид, — кивнул Владимир Андреевич деланно невозмутимо, и только глаз дернулся, — и это полбеды. Хуже другое...

— Да что может быть хуже?!

— А то, Всеволод Игнатьевич, что наши мужички в Южной Африке готовы идти за жидом Бляйшманом, за полячишкой Дзержинским да своими доморощенными... офицерами, — выплюнул он, — но лишь бы не за человеком благородного сословия! Представляете? Напрочь!

— Мы... — Грингмут, задыхаясь от ярости, ослабил ворот на налившейся багровым шее, — умилялись сперва... подъему патриотизма... духу русскому...

— А потом выяснилось, — уже потухше сказал он, — что русскими они видят только себя. Не нас с вами! Жида Бляйшмана готовы русским видеть, поляка Дзержинского, цыгана Шижирия, но не нас с вами! И церковь... в кальвинисты переkreщиваются, к староверам примыкают, лишь бы не с чиновниками в рясах! Такое-то у них мнение о священнослужителях, понимаете?

— Земля и воля как есть, — прошептал репортер, — без всякой политики, в самом первобытном понимании...

— Пока! Пока без политики! Четыре тысячи русских мужиков и мещан воюет в Африке за землю лично для себя и волю, как они ее понимают! Черный передел, если хотите, — едко хмыкнул редактор, туша папиросу о гору окурков, возвышающихся в бронзовой пепельнице, — а потом что будет, представляете?

— Ведь получится у них, — продолжил Грингмут, — и не потому, что они действительно... а потому, что Африка! Палку воткнешь, вырастет, копнешь — золото. А им, голодным после малоземелья да нечерноземья, кожурка лимонная за лакомство будет!

— И письма... — севшим голосом сказал Всеволод Игнатьевич, глядя на начальника дикими глазами, — они же письма станут писать...

— Да! А мы-то... — сказал Грингмут, — радовались. Первый Сарматский, а? А теперь?

Всеволод Игнатьевич никогда не жаловался на фантазию, да и увлечение живописью сказывалось. Привычная картина мира, с робкими работающими крестьянами, готовыми ломать шапку перед барином за-ради великого уважения, рушилась на глазах. Вдребезги разбивались впитанные с молоком матери, вычитанные в книгах иллюзии о солдатухах — бравых ребятушках, готовых по слову отца командира — без раздумий! Вот он, настоящий русский народ!

В воображении репортера робкий крестьянин, стоящий перед ним с картузом в руке, выпрямил голову, и смиренная улыбка его обернулась волчьим оскалом, а в руке мелькнул тяжелый клинок.

«Марга!»

И только зарево пожаров над помещичьими усадьбами, над родовыми дворянскими гнездами! Где когда-то покупали и продавали людей, обменивали молодых девок на борзых щенков, отдавали парней в солдаты, запарывали насмерть непокорных — огни пожаров.

Топот неподкованных копыт по степи, волчьи ямы в лесах, и люди, готовые умирать за свободу. И убивать — всех, кто выше тележного колеса. Врагов. Их...

— Это, — с ужасом сказал Всеволод Игнатьевич, — надо остановить! Они же... дикари! Не как в сухих строках учебника истории, а... скифы! Настоящие, пропахшие дымом и кровью, ничуть не романтичные! Любой ценой, — сказал он уже решительно, без прежней интеллигентской вялости. По-прежнему рыхлый, рано оплывший, но глаза — волчьи. Глаза человека, готового... нет, не умирать. Но убивать.

— Священную дружину¹ упразднили, — выдохнул дымом Грингмут, целясь глазами в подчиненного, — и я считаю — рано!

— Рано, — эхом отозвался Всеволод Игнатьевич, не отрывая глаз.

Глава первая

— Слово кайзера! — кричали мальчишки-газетчики, шутихами вылетающие из типографий и размахивающие газетами. — Речь императора в Рейхстаге!

Газеты, еще теплые и пахнущие типографской краской, моментально расхватывались прохожими, и медяки летели в подставленные ладони. Часто — отмахиваясь от попыток дать сдачу!

Самые нетерпеливые тут же разворачивали газетные листы, чуть отойдя в сторонку, чтобы не мешать прохожим. Повсюду расцветали диковинные бело-черные цветы на толстых стеблях, зашелестели бумажные лепестки, движение на улицах замедлилось, кое-где до полной его остановки.

Солидные господа усаживались в ближайшем гаштете или пивной, заказывали что-нибудь, и время для них замирало. Лишь шевелились из-

¹ «Священная дружина» — тайная монархическая организация в Российской империи, созданная для борьбы с терроризмом «Народной воли». Возникла 12 марта 1881 года, после убийства императора Александра II, по высочайшему соизволению Александра III и при его крупной финансовой поддержке. Официально прекратила своё существование 1 января 1883 года. Информации сохранилось сравнительно немного, но достоверно известно, что только организационной работой в «Дружине» занималось свыше 100 человек. Количество русской и заграничной агентуры составляло 729 человек, добровольных помощников — 14 672 человека. Издавались газеты от имени революционеров, с провокационными и дискредитирующими революционеров материалами, политическим террором. В «Священной дружине» начал свою карьеру Столыпин, как и целый ряд государственных деятелей.

редка усы да подергивались щеки, украшенные полученными на студенческих дуэлях шрамами.

Не мигая, до рези в глазах, всматривались юнкера в строки, напечатанные ради пущей торжественности строгим готическим шрифтом. Тик-так... Морщились лбы, и высокоученые немецкие мозги разбирали статью построчно, выискивая потаенный смысл и додумывая там, где его и не предусматривалось.

А потом... потом загудело. Разом! Берлин, Мюнхен... прокатилась по городам и городкам речь кайзера. Рубикон пройден!

«К германскому народу!

После двадцати девяти лет мирного времени я призываю всех, считающих себя годными к военной службе, встать в строй! Наши святыни, отечество и родные очаги нуждаются в защите!

Мы должны понять и признать, что у германской нации есть два союзника — ее армия и ее флот! Не враждуя ни с кем, мы должны быть готовы к войне с любым противником, опираясь только на собственные силы.

Германский народ доказал всему миру, что умеет воевать и трудиться так, как никто другой! Наши гениальные ученые, наши доблестные военные, наши трудолюбивые крестьяне и квалифицированные рабочие не знают равных в Европе и мире. Медленно, но верно германский народ поднимается на вершину культурного и технологического Олимпа, и не далек тот день, когда мы сможем встать на его сияющей вершине, сжимая в руках флаги наших отцов!

По праву победителей, по праву сильных, по праву лучших! Но дадут ли нам мирно дойти до вершины? Нет!

С лицемерными улыбками наши соседи сжимают нас в тисках необъявленной экономической блокады. Мы задыхаемся от недостатка ресурсов и самого жизненного пространства! Это война! Необъявленная война за рынки сбыта, за ресурсы, за будущее наших детей!

Нам предстоит тяжелая борьба, большие жертвы. Но я верю, что древний воинственный дух германских народов еще не уснул в нашей крови! Тот могучий дух, который, где только встретит врага, тотчас атакует его — будь то человек или сама Природа!

Я верю в германский народ! В каждом из вас живет горячая, неукротимая воля к победе. Каждый сможет прожить жизнь так, чтобы принести пользу Отечеству, а если потребуется — умереть, как герой!

Не желая войны, я обращаю ваш взор на наши колонии в Африке. Бог дал в наши руки те благодатные земли, и они пока простаивают впусе, ожидая прихода германских колонистов.

Плодородная земля ждет тех, кто пойдет за тяжелым плугом, взрывая девственную красноватую почву. Тех, кто заложит шахты и рудники, добывая золото и серебро, уголь и металл для нашего Отечества.

Африка ждет тех, кто помнит о великом славном прошлом и кто желает сделать великим — настоящее! Помните, что вы немцы!

Независимо от повседневных забот, от текущей политической обстановки в мире, мы должны стать настолько сильны, чтобы обеспечить себя от любых случайностей, уверенно глядя в будущее! Сильны настолько, насколько это вообще возможно, превосходя любое другое государство мира, равное нам по численности населения.

Мы не ищем войны! Вследствие нашего географического положения мы должны прилагать больше усилий ради собственной безопасности. Находясь в центре Европы, мы имеем по меньшей мере три фронта, с которых можем подвергнуться нападению.

Я не сомневаюсь, что, если вспыхнет война, наш народ будет сражаться с полной отдачей, и вероятнее всего, мы победим. Но я желаю, чтобы мы стали настолько сильны, чтобы никакой враг просто не осмеливался напасть на нас!

Тевтонская ярость, соединенная с прусской выучкой и дисциплиной, делают нас лучшими солдатами мира, и германский народ весьма уверенно смотрит в будущее! Но я хочу тотального, абсолютного технологического и экономического превосходства германской нации, и для этого нам нужен всего лишь доступ к ресурсам!

Не пытаясь отнять чужого и не ведя захватнических войн, мы должны действовать самым решительным образом, колонизируя Камерун, Намибию, Тоголенд. Я призываю вас, народ мой!»

Германия загудела задетым ульем, неслыханно всколыхнулся патриотизм. Речь кайзера ждали, и в общем-то предугадать подобную риторику было несложно... Но «Паровозик Вилли» от бряцанья оружием в ножнах перешел к делу.

Не сбавляя накал речей, он решительно и энергично начал разворот государственной машины на скорейшее и самое основательное освоение колоний. Решительно все министерства рейха озаботились программой освоения Африки со своих, сугубо утилитарных и деловых точек зрения. Что можно сделать прямо сейчас, через год, через три...

Служащие дневали и ночевали на работе, их заскорузлые бюрократические сердца пылали жаром верно подданного энтузиазма! А еще — жажды жизненного пространства.

Знатоки, будь то настоящие или самозванные, с жаром подсчитывали возможные прибыли — как непосредственным участникам освоения Африки, так и всему немецкому народу. Выходило что-то вовсе уж фантастическое, и скептики осаживали чрезмерный энтузиазм, принимаясь в свою очередь за подсчеты, но... Даже так цифры выходили значительные. По всему получалось, что если рейх возьмется как следует за колонии, то даже у самого бедного немца бутерброд с маслом разом станет вдвое толще!

Возможные риски учитывались, но отбрасывались как несущественные. Африканская лихорадка охватила все слои населения.

Фелькише¹ бурлили, обсуждая и тут же претворяя в жизнь маленькие и большие планы, ведущие к Цели. Шаг за шагом!

Наполеоновские их идеи оказались заразительны, и неделю спустя в каждом ферейне², даже и самом аполитичном, отдав должное положенным по календарю культурным мероприятиям, записанным в уставах, до хрипоты спорили о будущем германской нации. Немецкая основательность, помноженная на энтузиазм, давала свои плоды.

В каждом городке, насчитывающем хотя бы пару сотен жителей, появлялись «Общества содействия...». Печатались тематические брошюры и календари, справочники и полноценные энциклопедии. Люди, знакомые не понаслышке с африканскими реалиями, были нарасхват. Немцы, не совсем немцы и совсем даже не они... Героических колонизаторов ждала благодарная публика, внимающая их подчас завиральным речам с нескрываемым восторгом.

Будущие колонисты объединялись в ферейны, изучая географию, флору и фауну... Но прежде всего — оружие. Пылая праведным гневом на чернокожих дикарей, которые не могут оценить по достоинству доставшиеся им блага, немцы учились воевать. Это их жизненное пространство, данное им Богом!

Кто-то видел себя плантатором с сотнями безусловно осчастливленных чернокожих работников, кому-то грезилась алмазы, а кому-то приключения. Но все были едины — эта земля должна принадлежать немцам!

Масла в это бушующее пламя подливали многочисленные материалы, с великим единодушием отказывающие туземцам в праве на родину. Со ссылками различной степени достоверности, авторы уверенно доказывали, что почти все туземные племена — пришлые на тех землях! Завоеватели, пришедшие недавно на эти земли, уничтожившие мирных и несомненно добрых аборигенов, остатки которых нуждались не только в цивилизаторстве, но и в защите!

Своих сторонников находила и идея пангерманизма, объявлявшая те земли исконно германскими. Одни говорили о временах достопамятных, другие упирали на королевство вандалов и аланов³, ветви которого дотянулись далеко за экватор, и павшего под натиском природных катастроф и эпидемий.

Один из виднейших идеологов пангерманизма и по совместительству крупный писатель в сфере романтического и националистического жанра,

¹ Националистические объединения «народного» типа.

² Кружки, объединения — от любителей бабочек до хорового пения или нудизма.

³ Королевство вандалов и аланов — германское королевство в V–VI веках в Северной Африке на территории современных Туниса, Алжира, Ливии, островов Сардиния и Корсика.

Гвидо Лист, разродился несколькими работами, получившими немалую известность. На фоне таких успехов оккультист и эзотерик самовольно добавил к своему имени дворянскую приставку «фон» и приготовился судиться с магистратом, отстаивая свои права на официальное ее использование... А магистрат ее удовлетворил.

Головокружение от успехов у Гвидо фон Листа оказалось столь велико, что он всерьез поверил в свою избранность и происхождение от вождей древних племен. Согласно его учению, в древности именно аристократы были жрецами, а себя он видел именно аристократом, пусть и перерожденным...

Поверили и другие. В рейхе, не отрицая пока христианства, зародился культ Вотана. Собственно, зародился он много раньше, но всегда был делом немногих, ныне же идея пошла в массы¹, и чем она обернется, не знал никто.

Курильница германской идеологии, на которой наркотически дымилась мечты и чаяния германского народа, в сознании людей стала оформляться причудливым треножником: опора на собственные силы, жизненное пространство и оккультизм.

Угрюмо выслушав речь мастера, хмуро объявившего об урезании расценок, рабочие глухо ворчали. Недавно еще они высказались бы... пусть и не в полный голос...

Но с недавних пор полиция Петербурга как озверела, выискивая крамолу там, где ее отродясь не бывало. Защита прав, пусть даже и самая робкая, подавлялась нещадно. Особо доставалось тем, кого власти назначали лидерами протеста, ну и просто заметным, авторитетным в рабочем коллективе личностям.

Прокатившаяся волна арестов и уголовных дел заметно проредила ряды потенциальных справедливцев, но тлеющие под молчанием угли гнева разгорались все сильнее. Разошлись молча, лишь глухо ворча и пряча друг от друга глаза. Лишь сжимались натруженные мосластые кулаки, да крепче зажималась сигарка под пожелтевшими от никотина усами.

— Пашка Сабуров писал, — подняв от ветра ворот старой шинелки, сказал негромко дружку Васька Климов, молодой рабочий, еще недавно числившийся в учениках.

— И чо? — без особого интереса, даже не поворачиваясь и не сбавляя шага, поинтересовался для порядку Евген Маринин, такой же молодой и еще совсем недавно — дерзкий на язык и быстрый на кулак жилистый парень.

— Так... он ныне в Африке...

— Иди ты?! — повернулся Евген, и узкое его лицо разом стало хищным и заинтересованным. — Это который Ленке Свиридовой шурина через двоюродного брата свойственник?

¹ Возглавляя партии и классы, лидеры вовек не брали в толк, что идея, брошенная в массы, — это девка, брошенная в полк. Губерман.

— Ага...

— В Африке, значит... и как?

— По-всякому...

Покосившись на городского и на всякий случай примолкнув, парни добавили шагу, обходя служителя режима стороной.

— Пока добирался, — чуть наклонившись к дружку, на ходу повествовал Васька, прыгая иногда через мартовские лужи, щедро разлившиеся на рабочей окраине по отродясь не мощенным дорогам, — так чуть не помер! Тяжко через море-то, чуть нутро не выблевал.

— Ну эт понятно, — кивнул Евген, глядячи на дружка не мигая, — а потом?

— Потом, — тот выдохнул и поежился, будто перед прорубью, — знаешь... как пишет, так и передаю, чтоб безо всяких!

— Ага, ага... ну?

— Так... в общем, опомниться до сих пор не может, и каждый день щиплет себя по утру — не сон ли?! Такая-то малина и лафа, что самому и не верится. В паровозное депо устроился, и комнату в бараке — разом!

— Комнату?! — пугая не ко времени вышедшую за водой девицу, вскричал Евген, шарахнувшись в сторону и вступив от неосторожности в собачье говно. Заругавшись, он начал отмывать подошву в ближайшей луже, слушая рассказ.

— Да! А когда о жалованье стал писать, о ценах тамошних, так и вовсе! В пять! — Васька для достоверности выставил перед собой пятерню, плохо видимую в вечерних сумерках, озаряемых лишь звездами да нечастыми огоньками в окнах домов. — В пять раз выше! А цены почти на все — ниже! Ну то есть фотографический аппарат ежели покупать задумаешь, то оно и дороже, — поправился он, — а еда дешевле, и сильно.

— Та-ак... — Чуждый долгим размышлениям, Евген остановился и решительно потянул за собой друга, — давай-ка к Ленке...

— Не веришь?! — обиделся было Климов.

— Чего же не верить? — даже не остановился дружок. — Верю... не ты один такое говоришь. Просто одно дело — кто-то там незнаемый, и другое — насквозь знакомый Пашка. Понял?

— А... а! Да, не на пустое место...

— Так вот... Нам, — остановившись, Евген звучно высморкался, — нечего терять... Как там? Ах да... пролетариату нечего терять, кроме своих цепей!

— Про докúменты узнать, — подхватился Васька, — да как чего... А может, и в самом деле, а?!

— А я о чем?! Чем так жить...

Переглянувшись, они заспешили к Свиридовой, потому как — ну до зудежки! Никак на завтра не отложить!

— И ты тут? — удивился Васька пожилому Анатоличу, обчищая сапоги на пороге.

— Ну дык... — тот пожевал дряблыми губами и покосился на молча сидящего рядом сына, — я уж и все, подзажился — за сорок уже, шутка ли?! А вот Акиму да меньшим еще жить...

— Ты, девка, чти давай, — повернулся старик к хозяйке дома, приходящейся ему троюродной племянницей через покойную супружницу, — что там у Пашки-то? Оченно мне интересно за ту жизнь узнать!

Глава вторая

Дурбан аукнулся нам удушающей бессонницей, ночными кошмарами и душевной вялостью, когда не хочется лишний раз не то что пошевелиться, но даже и думать. Организм будто решил разом отыгаться за все ранения, недосыпы, ушибы и умственные перегрузки, выполнив поставленную задачу.

На меня навалилась бессонница по ночам, днем же я, за неимением сил, постоянно залипаю на месте в каком-то оцепенении. Попытка передрепать после восхода солнца заканчивается головной болью и еще большей умственной и физической вялостью. Голова становится дурная-предурная!

Саньку мучают кошмары, он раз за разом идет в рукопашную, то полосая многочисленного противника клинками, то всаживая в тухлые кишки тесачный штык. Ну и в обратку, не без этого... а главное, до того натуралистично, ярко и подробно, что просто ой! Каждую ночь то орет во сне, а то и без ора, сядет этак на постели и дышит заполошно, не в силах сообразить сразу, где он сейчас. Глаза дикие, руки подергиваются, все еще ощущая тяжесть клинка или винтовки... жуть!

Мишка впополаме между нами, только что кошмары не столько кровавые, сколько душевные. Все мниться ему во снах, что он что-то не предусмотрел, и вот сейчас там погибают люди... Худшая гадота, как по мне!

Феликса треплет малярия, но железный поляк все равно в седле, только что в бой самолично не ходит. Ему сейчас самая горячая пора, вычищать остатки гарнизонов и захватывать ту часть Наталя, которая еще под бритами. Держится, только что похудел и до совершеннейшей одури стал похож на Дон Кихота.

— Та-ак... — оценил наш полудохлый вид Владимир Алексеевич, отворачиваясь жизнерадостный и довольный, — ну-ка...

Повертев нас перед собой и заглянув зачем-то в глаза, он покивал сам себе и, вздыхая, сел на прикрытый стеганым покрывалом дощатый топчан, просевший под его немаленьким весом.

— Значит так, господа офицеры, — начал он с видом нарочито бодрым, — кхе... Не думал, что буду говорить с вами о таком... ну да ладно!

— Лечение ваше... кхе! — он покраснел помидорно, зажав кисти рук меж сомкнутых колен, и поднял блуждающий взгляд на потолок, с напряженным вниманием разглядывая трещинки в штукатурке и снующих там гекконов, охотящихся за мотыльками. — Известное, значит, лечение...

н-да... Короче! — рывкнул он, что задрезбуждали стекла, вовсе уж багровея. — В бордель, и нажраться! Ясно?! И не краснеть мне тут, как инстинтутки, я сам в смущении! Никогда не думал... Все! Я к Сниману, пусть он вам отпуск, и штоб как следует там!

Стараясь не глядеть друг на дружку, разошлись, все в смущении и таком себе... томлении. За себя, по крайней мере, ручаюсь!

Подготовка заняла несколько дней, потому как не все оказалось так просто, как хотелось бы. За командира оставил Военгского, как самого грамотного и авторитетного, заместителем Шульца. Строго-настрога запретив им лихачить и самовольничать, очертил круг обязанностей и прав, пару дней натаскивал, занимаясь натуральной дрессурой.

Отпуск же... Неожиданно стал командировкой.

— Ну не на кого, в рот мне ноги! — вертелся вокруг дядя Фима, просительно заглядывая в глаза и никак не походя на боевого генерала. — Ты таки пойми, шо от безбабья и рыбу раком, и если я прошу за да, то это такое весомое пожалуйста!

— Пф...

— Вот и договорились! — обрадовался тот, подсовывая документы и поясняя, за что и как. — Ты здесь смотри, а здесь просто попугать можешь, тебе опыту и глаз хватит! Да, вот такой зырк, но ты больше на mine не надо, а то страшнее, чем когда на пулемет шел! Шутю-шутю, но все ж таки не надо, даже и mine, который знает за тебе много всякого, и хорошего тоже, нервно само чуточку! Да там не сильное пуганье нужно, — прижимал изрядно похудевший компаньон волосатые руки к груди, — а грамотное! Ицхак понимание имеет, но без того характера, как надо! А Еся за характер таки да, и еще раз... нивроку...

Он постучал по украшенному зарубками прикладу винтовки, с которой не расстается даже в сортире, и озарился счастливой улыбкой, гордясь за правильно воспитанного сына.

— Ведь какой шлимазл был, а?! А всего-то — через нехорошее пройти и смерти в глаза глянуть! А, ну да... Характер у него уже таки да, а опыта пока нет. Кому другому если, так это проще самому съездить, чем в курс дела натаскивать. Я Самуила и Товию с тобой отпрошу, штоб маячили за рядом, и грубая физическая сила заодно! Габариты-то какие стали, а? Чисто два кабана на задние копыта, но ты mine за этот разговор не слышал. Таки да?! Ну вот и ладненько!

— Ф-фу... есть что поседать? — устало выдохнул Мишка, вернувшись от Снимана. — Спасу нет, как хочется щец! Из кислой капусты штоб, с головизной.

— Чем богаты, — отвечивал Санька, разливая на троих уху из морской гадоты, приготовленную марсельцем Этьеном. Мишка потянул ноздри и заработал ложкой.

— Шлавно, — промычал он, чавкая самым некультурным образом, — вкушнотища! Пошти шта и не хуже щей! Да! — утолив первый голод, он стал есть медленней, успевая говорить, — Отпуск дали, но такой... в общем, мало чем от командировки отличается.

— И тебе? — удивился Чиж, присев наконец за стол. — Егора тоже впрягли в логистические дела.

— А? Ну да, резонно, — кивнул Мишка, чуть помедлив, — кого же еще? Дядя Фима занят, Еся пока по опыту не тянет, а Исцак по характеру.

— Тыфу ты... как сговорились!

— А чо? — удивился брат. — Логично же!

— Логично, просто почти теми же словами!

— А... бывает. Так вот, — он ненадолго прервался, заработав ложкой. — Меня тоже запрягли. Не так, чтобы и очень тяжело, а просто — понимающие ситуации в делах штабных нужно иметь, ну и немножко — авторитет в войсках.

Санька заулыбался, показывая нам язык.

— Припряжем, — сощурившись, пообещал Пономаренок, — куда ж ты денешься?!

Путешествие наше еще не началось, а мы уже успели обрасти свитой. Сперва на запах буйабеса пришли-таки близнецы и воздали ему должное безо всякой оглядки на кашрут.

Потом к особо ценным нам добавили десяток человек охраны, из числа отличившихся в боях здоровенных парняг из Европейского легиона, вроде как им в поощрение заодно. Расположившись в свободном ангаре, они с ходу перезнакомились со всеми пилотами, сунули носы куда ни попадя, даже если совсем нельзя, да предвкушали поход в бордель, обсуждая былые подвиги с подробностями вовсе уж зоологическими. От их рассказов становилось одновременно противно и томительно.

Корнелиус сам себя откомандировал, мотивировав вполне логично — должен же в нашем отряде находиться хоть один бур?! Логика в его словах наличествовала, так что будущий пилот влился в отряд.

Потом, вовсе уж неожиданно, к отряду прибились староверы, получившие карт-бланш на открытие не то миссии, не то... Не знаю, как они будут оформлять это на бумагах, но вроде как в Лоренсу-Маркише планируется выстроить странноприимный дом для прибывающих русских. С дальним, я так понимаю, прицелом. Сперва — помощь нуждающимся, а что большая часть прибывших в Африку православных будет именно нуждающимися, я нисколько не сомневаюсь! Отмыть, обогреть, накормить, дать место для ночлега, а после и на работу пристроить.

Ну и миссионерская работа, не без этого! И я так вижу, что успех будет, потому как православные привыкли в России слышать от церкви только «Дай!», а тут: «На!» Да и старцы эти — никак не чиновники в рясах, а вполне себе понятные люди для человека православного. Не вдаваясь ежели